

Особенности промышленного дискурса в СССР во второй половине XX века

DOI 10.22394/1726-1139-2017-11-104-118

Родина Валерия Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
Докторант
Кандидат политических наук
velnews@mail.ru

РЕФЕРАТ

Для анализа развития промышленности в СССР автор использует дискурсивную теорию, которая позволяет всесторонне определить тенденции развития промышленности в СССР во второй половине XX в. Такая практика использования понятия «дискурс» свойственна «критическим» подходам философских, социологических и политологических теорий. В данной статье автор ставит своей задачей проследить в исторической ретроспективе развитие и трансформацию промышленного дискурса, определить его роль в развитии государственности и экономики СССР. В статье предпринята попытка найти причины кризиса промышленного дискурса в СССР.

Автор анализирует взаимодействие различных акторов и влияние на промышленный дискурс проводимой государством политики. В частности отмечается, что важной особенностью промышленного дискурса в СССР стало подчинение его плановой экономике, а также приоритизация военного производства над гражданским, отсутствие эффективной связи науки и производства в СССР, отставание в научно-техническом прогрессе. Анализируются причины падения производительности труда и качества продукции, производимой национальной промышленностью, а также отмечается, что попытки реформирования промышленности в СССР не увенчались успехом, поскольку проводились в рамках командно-административной системы.

В статье отмечено наличие кризиса трудовой морали, катастрофическое снижение мотивирующей и мобилизационной стороны промышленного дискурса, а также разочарование советских потребителей в качестве и ассортименте товаров народного потребления. Автор резюмировал, что на закате СССР состояние промышленного дискурса было крайне удручающим, декларируемый государством промышленный дискурс не соответствовал действительности. Возможности промышленного дискурса были серьезно переоценены, отсутствовало стратегическое планирование на длительный период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

промышленность, дискурс, СССР, научно-технический прогресс, рабочий класс, производительность труда, перестройка

Rodina V. V.

Features of Industrial Discourse in the USSR in the Second Half of the Twentieth Century

Rodina Valeria Vladimirovna

Saint-Petersburg State University (Russian Federation)
Doctoral student
PhD in Political Sciences
velnews@mail.ru

ABSTRACT

For the analysis of development of the industry in the USSR the author uses the discourse theory which allows comprehensive definition of tendencies of development of the industry in the USSR in the second half of the 20th century. Such practice of use of the concept «dis-

course» is peculiar to «critical» approaches of philosophical, sociological and politological theories. In the article the author puts the task to track development and transformation of an industrial discourse in a historical retrospective, to define its role in development of statehood and economy of the USSR. In the article an attempt to find the reasons of crisis of an industrial discourse in the USSR is made.

The author analyzes interaction of various actors and influence on an industrial discourse of the policy pursued by the state. It is noted that submission to his planned economy and also prioritization of military production over civil, lack of effective communication of science and production to the USSR, lag in scientific and technical progress became important feature of an industrial discourse in the USSR. The reasons of falling of labor productivity and quality of production made by the national industry are analyzed and also it is noted that attempts of reforming of the industry in the USSR weren't crowned with success as were carried out within a command management system.

In the article existence of crisis of labor morals, catastrophic decrease in the motivating and mobilization party of an industrial discourse and disappointment of the Soviet consumers in quality and the range of consumer goods is noted. The author summarized that in the twilight of the USSR the condition of an industrial discourse was extremely depressing, industrial discourse declared by the state wasn't true. Possibilities of an industrial discourse have been seriously overestimated, there was no strategic planning for the long period.

KEYWORDS

industry, discourse, the USSR, scientific and technological progress, the working class, labor productivity, reorganization

Научное осмысление развития промышленности в СССР в послевоенный период — сложная задача, поскольку данное явление определяется многими факторами, в том числе экономическими, политическими и идеологическими. Немаловажное место среди них занимают многомерность, комплексность и уникальность объекта анализа. Тема исследования разноплановая. Прежде всего, это связано с непростым историческим периодом: восстановлением народного хозяйства после Второй мировой войны, началом холодной войны, гонкой вооружений и, наконец, перестройкой. На эффективность развития промышленности в СССР влияло множество факторов. Среди них взаимодействие различных акторов в рамках промышленного дискурса. В связи с этим комплексно оценить и проанализировать основные направления развития промышленности, тенденции, полифоничность различных акторов автору представляется возможным в рамках дискурсивной теории.

Дискурсивная методология была выбрана не случайно: в гуманитарных науках XX в. она получила широкое развитие и переосмысление. Представители философии постмодернизма, совершившие своеобразное «переоткрытие» этого понятия (М. Фуко, Ж. Деррида, Р. Барт, Ю. Хабермас, Ж. Бодрийяр и др.) трактуют дискурс как специфическую форму социальных взаимодействий; способ социального бытия, отличающийся полифоничностью, многоаспектностью, спонтанностью, поливалентностью, децентрализацией и, одновременно, обусловленностью внутренними интенциями эпистемического происхождения [21, с. 42].

Поскольку термин «дискурс» имеет ряд толкований, для целей и задач статьи автор остановился на критической трактовке данного понятия, согласно которой дискурс рассматривается как корпус предписаний, правил, требований и их практического выражения в целях рационализации, оценивания и наделения определенным смыслом социальных фактов. Эта практика использования понятия «дискурс» свойственна «критическим» подходам философских, социологических и политологических теорий. В контексте этой трактовки наиболее абстрактное содержание понятия дискурса заключается в том, что оно относится к специфическому историческому периоду, социальной общности или к целой культуре [14, с. 5]. В рамках исследования автор опирался также и на другую традицию, заложенную в конце

XIX в., — традицию изучения дискурса как риторического и эстетического образования, эта группа теорий в основном отождествляет дискурс с феноменом власти, полагая его исключительно в сфере социальных отношений и взаимодействий [14, с. 9; 23; 24; 33].

Вторая мировая война внесла существенные изменения в промышленный дискурс: набиравшая силы в предвоенный период милитаризация экономики в СССР носила форсированный характер, к началу 1940-х годов в СССР была создана база оборонно-промышленного комплекса, разработаны образцы вооружения и военной техники, резко увеличилась численность Вооруженных сил и изменилась их организационная структура. Тем не менее процесс перехода на новые образцы техники и организационной перестройки промышленности к началу Великой Отечественной войны не был завершен [5, с. 26; 9].

Опасность войны с Западом осознавалась высшим руководством СССР, в связи с этим была развернута масштабная военная подготовка. Ценой колоссальных усилий трудовых, научных и конструкторских коллективов, материальных и финансовых затрат в ходе выполнения предвоенных пятилетних планов в СССР был создан оборонно-промышленный комплекс — сектор общественного производства, предназначенный для обеспечения государства средствами вооруженной борьбы [5, с. 26].

Однако сверхмилитаризация практически всех отраслей хозяйства не могла не привести к усилению диспропорций в его развитии, а в перспективе — к краху советской экономической системы, основанной на внеэкономическом принуждении [8, с. 20]. По мнению автора статьи, эти тенденции значительно повлияли и на восприятие промышленного дискурса населением страны, который к началу 1990-х годов перестал быть популярным и релевантным для основной массы граждан и утратил широкую поддержку. Тем не менее трансформация дискурса проходила постепенно, а в некоторые периоды исторического развития не содержала в себе признаки деградации и имела все шансы на прогрессивную модель развития.

Так, с началом Великой Отечественной войны промышленный дискурс характеризовался признаками мощной мобилизации в целях форсированного военного производства. К неотложным планам относились: срочная эвакуация заводов из Белоруссии и Прибалтики; немедленное дублирование всех уникальных предприятий; выделение оборудования, материалов и кадров для создания филиалов ведущих заводов, определение мест их дислокации; ускорение пуска в эксплуатацию заводов, уже строившихся за Волгой; сокращение цикла производства техники; максимальное уменьшение объема опытно-конструкторских и фундаментальных научно-исследовательских работ; сосредоточение основных усилий на совершенствовании серийных машин и увеличении их выпуска; проведение испытаний по замене остродефицитных материалов обычными [30, с. 97–98].

Промышленный дискурс этого времени определялся директивой Совнаркома СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 29 июня 1941 г.: «Когда решался вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том — быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение, все зависело от умения быстро организовать и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности для борьбы с врагом». Необходимо было «сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг советского Правительства для самоотверженной поддержки Красной армии, для победы, подчинить всю деятельность интересам фронта, форсировать военное производство, обеспечить усиленную работу всех предприятий»¹.

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 гг. С. 44–48.

Тем не менее обеспечить армию необходимой военной техникой в начале войны не представлялось возможным. Так, по воспоминаниям маршала Г. К. Жукова, в феврале-марте 1942 г. Ставка Верховного Главнокомандования требовала активизировать наступательные действия на западном направлении, но к этому времени силы и средства фронтов иссякли. Особенно остро стояла проблема обеспечения войск боеприпасами. Из запланированных на первую декаду февраля 316 вагонов Западный фронт не получил ни одного. Из-за отсутствия снарядов реактивную артиллерию пришлось частично отвести в тыл [10, с. 243].

Несмотря на явную неготовность СССР к войне, которая стоила миллионов жизней советских людей, в период острой опасности наблюдалась синхронизация различных акторов промышленного дискурса: руководители оборонной промышленности, ученые и конструкторы военной техники. Все было подчинено тотальной мобилизации: «Все для фронта! Все для победы!». Таким образом, в это тяжелое время оперативно и энергично проявила себя сверхцентрализованная директивная система управления. Под чрезвычайно жестким руководством Государственного комитета обороны были осуществлены эвакуация заводов, фабрик и перевод гражданского сектора экономики на военные рельсы. Вся система управления страной, в том числе промышленностью, в военные годы носила чрезвычайный характер.

Структура экономики страны и размещение производственных сил претерпели значительные изменения. При этом советская мобилизационная экономика оказалась достаточно эффективной, чтобы перестроить все народное хозяйство на военные рельсы [12]. В итоге восстановление экономики СССР началось уже в 1943 г [1, с. 57]. В 1944 г. в стране был достигнут пик военного производства, удельный вес которого в валовой продукции составил 51,4% [29, с. 219]. В 1941–1945 гг. доля военной продукции в общем промышленном производстве в СССР была 65–68% [5].

При этом, несмотря на сложное военное время, сопряженное с мобилизационным духом промышленного дискурса, проблема борьбы с низким качеством военной техники стояла также актуально, как и в довоенное время. Так, в постановлении от 29 марта 1943 г. № 3092 «Об улучшении качества танков, выпускаемых Наркомтанкопромом и Наркомсредмашем» ГКО отметил наличие большого количества производственных дефектов, снижавших боевые качества машин. Причины были все те же, что и в мирное время — низкая технологическая дисциплина, способствующая недоброкачественной сборке на заводах.

Итак, промышленный дискурс в чрезвычайных условиях войны развивался в условиях централизованной и мобилизационной модели управления. Победа в войне способствовала укреплению и дальнейшему сохранению этой системы, в результате которой появилась тенденция географического расширения оборонно-промышленной инфраструктуры в стране. Это, в свою очередь, заложило основу для создания отраслей по производству новейших вооружений — атомного оружия, реактивной техники, средств радиолокации. И в дальнейшем сделало СССР обладателем мощного постоянно действующего ОПК.

После окончания Великой Отечественной войны промышленный дискурс заключал в себе следующие задачи: восстановить промышленность, провести техническую реконструкцию основных отраслей промышленности, внедрить в производство достижения науки и техники, обеспечить трансфер передовых отечественных и зарубежных технологий. В связи с тем что оборонная промышленность работала только на войну, в мирное время требовалось значительно сократить выпуск военной продукции и соответственно увеличить производство гражданской продукции. Однако наступила «гонка вооружений». После окончания войны действующее оборонное производство не только сохранилось, но неуклонно наращивалось в странах-победительницах [8, с. 13].

В изучении темы послевоенного промышленного развития Советского Союза можно выделить несколько этапов. Первым этапом целесообразно считать конец 1940-х — начало 1960-х годов: годы восстановления народного хозяйства СССР и налаживания мирной жизни после Великой Отечественной войны. Была предпринята попытка технологического развития промышленности. Основным приоритет промышленного дискурса заключался в развитии науки и техники, которые необходимо было тесно связать с производством для преодоления технической отсталости.

Впервые задачи хрущевской модернизации были обозначены в постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР (СМ СССР) «Об улучшении дела изучения и внедрения в народное хозяйство опыта и достижений передовой отечественной и зарубежной техники», принятом в мае 1955 г. В постановлении, в частности, говорилось о необходимости внедрения последних достижений «передовой науки и техники», а также разработки более совершенных и дешевых материалов и изделий¹.

Промышленный дискурс этого времени представляет собой высокие темпы развития индустрии, достижения в научно-техническом прогрессе — создание атомной бомбы, водородной, начало использования атома в мирных целях, достижения в исследовании космоса, мощное развитие нефтяной промышленности — строительство трубопроводов, открытие новых месторождений, а также строительство промышленных гигантов на Урале, в Сибири. Удалось добиться успехов в отдельных областях науки и техники: в это время впервые в мире советский авиалайнер Ту-144 преодолел звуковой барьер, в результате действия программы «Луна» на Землю был доставлен лунный грунт, развивался космический проект «Венера», осуществлялись серии программ по пилотируемой космонавтике, достигнут ядерный паритет с США [2, с. 117]. Промышленный дискурс связан с появлением и развитием атомной промышленности. В Сибири создавалась основная производственная база по выпуску оружейного плутония, урана и других компонентов ядерного оружия, а также ракетного вооружения и радиолокации.

Во многих профессиональных журналах, сборниках и газетах появились специальные разделы, в которых помещались материалы о достижениях зарубежной науки и техники [16, с. 198]. Несмотря на железный занавес, СССР пользовался трансфером западных технологий, советское руководство пыталось перенимать зарубежный опыт для модернизации ряда отраслей. Анализ модернизации советской промышленности в годы холодной войны на примере конкретных технологий позволяет сделать вывод о том, что «железный занавес» был проницаемым. Несмотря на то, что перемещения через границу не были массовыми, движение людей, знаний, техники и материалов осуществлялось на протяжении всего периода [17, с. 35].

В этот период промышленный дискурс характеризуется высоким энтузиазмом среди рабочих — необходимо восстанавливать страну, начинает формироваться и новая парадигма — воспевание труда ученых, исследователей, высококвалифицированных инженеров. Однако одним из источников процесса конструктивного развития промышленного дискурса являлось «выкачивание» средств из сельского хозяйства в пользу отраслей тяжелой промышленности [8, с. 15].

Второй этап начался с середины 1960-х и продолжался до середины 1980-х годов. На развитие историографии этого периода оказывала влияние сложившаяся в руководстве страны концепция, предполагавшая, что не следует концентрировать внимание на ошибках и недостатках предыдущих этапов развития страны: многие

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. 1946–1955. М., 1985. С. 506, 508.

проблемы давно решены и получили достаточное освещение в официальных документах. Упоминание о культуре личности Сталина и критическая оценка его деятельности постепенно исчезают со страниц исторических исследований [8, с. 16].

Период «оттепели», отразившийся и на промышленном дискурсе, в этот период начинает носить на себе отпечаток застоя, происходит снижение производительности труда, отставание в научно-техническом прогрессе от стран Запада, деградация трудовой советской морали и явные признаки регресса. Прежде всего, наблюдалось увеличение удельного веса отраслей промышленности группы «А» за счет отраслей промышленности группы «Б». Этот период, несмотря на весьма развитую научно-исследовательскую базу, следование лозунгам внедрения достижений научно-технической революции в жизнь советских людей, значительные объемы финансирования, советская промышленность по многим отраслям начала испытывать спад производства, который лишь усугублял социальные, экологические, техногенные риски развития общества и государства того времени [18, с. 164].

Увеличению доли ОПК в промышленном дискурсе способствовала конфронтация двух систем: социалистической и капиталистической. При этом новейшие достижения науки, техники, передовые технологии оказались сконцентрированными внутри ОПК и оставались практически недоступными гражданскому производству. Были разобщены серийные военные заводы и КБ, сохранялись неоправданные межотраслевые барьеры [3]. В отношении развития ОПК СССР мнения экспертов разнятся. Одни авторы утверждают, что ОПК СССР — источник научно-технического прогресса и позитивных изменений в жизни советского общества, другие, наоборот, что это — «социальный монстр», источник социально-политического застоя и других отрицательных явлений [22, с. 208–250].

Статистика и тенденции развития ОПК СССР свидетельствуют о следующем. К концу 1980-х годов предприятия оборонного комплекса производили 20–25% валового внутреннего продукта страны, в них были сосредоточены лучшие научно-технические разработки и кадры: производилось до 3/4 всех научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Предприятия оборонного комплекса производили большую часть гражданской продукции: 90% телевизоров, холодильников, радиоприемников, 50% пылесосов, мотоциклов, электроплит. Около трети населения страны проживало в зоне размещения предприятий ОПК [11, с. 28–32].

Таким образом, во второй половине XX века ОПК стал ключевой, наиболее привилегированной частью экономической и политической системы СССР. Он вышел за рамки одного государства и превратился в важнейшую силу в мировой экономике и международных отношениях. Промышленный дискурс этого времени продолжает оставаться милитаризованным и мобилизационным, поскольку этого требовала холодная война. Стержнем дискурса становится развитие новейших вооружений — ядерного, ракетного и др.

Явным приоритетом промышленного дискурса на протяжении всего развития СССР, и в этот период в частности, продолжала оставаться тяжелая промышленность. Как указывает, например, Пол Джозефсон, «на самом деле, тяжелая промышленность — металлургия, химическая и электрическая — получали львиную долю финансирования» [32, р. 21–49]. Несмотря на указанные явные приоритеты, промышленность группы «Б» была также частью промышленного дискурса. На высшем политическом уровне начали говорить о необходимости развития сектора «Б» в промышленности. Вопрос о важности положительных изменений в легкой, лесной, химической и других отраслях промышленности был официально поставлен руководством страны после смерти Сталина [17]. Было выпущено несколько постановлений Правительства СССР об увеличении производства товаров легкой промышленности, о развитии лесной, пищевой промышленности.

В послевоенный период и далее наблюдался запрос от населения на улучшение качества и расширение ассортимента товаров народного потребления. Однако швейные, обувные и текстильные фабрики, прежде всего, выполняли план по производству валовой продукции, не могли обеспечить необходимое количество изделий, пользующихся широким спросом населения. Отдельные предприятия продолжали выпускать изделия устаревших образцов и моделей¹. Одной из причин недопоставок отдельных видов изделий являлась недостаточная специализация швейных фабрик, загруженность их многочисленной номенклатурной продукцией. Отсутствие специализации производства приводило к снижению производительности труда и ухудшению качества изделий [6, с. 26]. При дефиците товаров наблюдалось низкое качество изделий, многочисленные жалобы на товары стали следствием отсутствия контроля за качеством товаров на предприятиях.

Из-за низкого качества, ограниченного ассортимента, а также несоответствия многих изделий требованиям моды возникли проблемы со сбытом товаров. Продолжался выпуск товаров с отклонениями от государственных стандартов. Имелись серьезные отступления от согласованного в договорах ассортимента продукции [25]. Осложнялось это еще и тем, что СССР отставал от наиболее развитых стран Запада по уровню потребления населения, наблюдалась «экономика дефицита», где «вещизм» и «потребительство» были тем сильнее, чем больше был дефицит высококачественных благ [15].

Таким образом, промышленный дискурс в группе «Б» содержал в себе также признаки регресса — началось формирование негативного отношения широких слоев населения к производимой национальной промышленностью продукции. Советская промышленность не удовлетворяла потребность в товарах народного потребления. Ко всему прочему претензии к выпускаемой продукции этой группы были очень велики — брак, низкое качество, дефицит. Например, в сфере легкой промышленности модели были до предела упрощены, однотипные, выпускались большими партиями. Граждане могли сделать вывод о продукции национальной промышленности на основании товаров народного потребления, которые не соответствовали ожиданиям и запросам советского народа.

Кроме того, политика советского правительства по закупке дефицитных товаров народного потребления за рубежом была, по нашему мнению, в корне ошибочной. Из-за границы на государственном уровне везли только качественные вещи, а не ширпотреб. Из-за этого у населения складывалось ошибочное представление о том, что все, что делают за пределами СССР — качественное, модное, соответствует высоким стандартам. Это вкупе с дефицитом и мещанской трансформацией социалистической идеологии, начатой Н.С. Хрущевым, привело к кризису доверия населения к промышленному дискурсу в частности, и к советскому строю в целом.

Немаловажное место в промышленном дискурсе занимало целеполагание, направленное на повышения эффективности промышленного производства за счет научно-технического прогресса. Острота проблемы заключалась, прежде всего, в том, что между научно-техническим потенциалом и эффективностью его использования возникали явные противоречия. В целом связь науки и производства в СССР можно назвать неудовлетворительной [2, с. 117].

Принцип «по старинке» и «черные субботы» не добавляли эффективности в развитие промышленности. При этом не был налажен механизм внедрения научных открытий. Использовать новые технологии, совершенствовать производство, удешевлять себестоимость продукции было просто невыгодно². Предприятия делали плановые объемы на старом оборудовании, не заботясь об обновлении продукции

¹ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 42. Д. 608. Л. 18.

² ЦАНО. Ф. Р-15. Оп. 6. Д. 1373. Л. 20.

и ее удешевлении. Снизу к новшествам относились плохо, старались их избегать [31, р. 13–14]. В годы холодной войны «отсутствие мотивации для повышения продуктивности или индивидуальных инициатив рабочих, такой как высокие зарплаты, товары лучшего качества, комфортное жилье и продвижение по карьерной лестнице, приводило к тому, что советские лидеры прибегали к призыву рабочих штурмовать планы и следовать примеру Стаханова» [32, р. 24].

Действительно, за 1950–1960-е годы на советские предприятия поступило много новой техники, в том числе зарубежной, однако архивные материалы свидетельствуют о том, что часто эта техника длительное время оставалась на складах¹. Кроме того, некоторые установленные механизмы функционировали неправильно или часто ломались, что также было обусловлено низкой квалификацией специалистов. Была и другая причина. Бюрократическая система носила явные признаки окостенелости, препятствовала самореализации и проявлению любого творческого начала на производстве. Существующий на тот момент промышленный дискурс не внушал веры в полезность и перспективность внедрения технологий в производственную сферу, что в итоге приводило к застою мысли и дела.

Кроме того, он содержал в себе элементы демотивации, нерационально использовались не только производственные, но и природные ресурсы, наблюдалась привычка к использованию традиционных методов и средств экстенсивного производства. Не было материальных стимулов у рабочих к формированию у них технологической дисциплины и производственной культуры. Все это подтверждает, что промышленный дискурс со временем стал испытывать на себе серьезные признаки кризиса форсированной советской модернизации.

Причина кризиса промышленного дискурса заключается, по мнению автора, в том, что трудовая мотивация перестала адекватно восприниматься населением. Ценности индустриализации, электрификации и в целом модернизации довоенного периода СССР перестали быть реперными для основной массы населения и партийной элиты. «Для всех представителей этой элиты — начиная от «красных директоров» и кончая руководителями правительства — каждый успешный шаг по пути модернизации страны означал укрепление и повышение их собственного статуса. Это в равной мере относилось и к хозяйственной, и к военной, и к партийной, и к административной элите» [15]. К середине 1960-х годов ценностные ориентиры, которые раньше были стимулом для развития бюрократической карьеры, теперь потеряли былую актуальность и не были дополнены социально-политическими механизмами контроля «снизу». В такой ситуации идеологический самоконтроль не мог стать действенным средством контроля над ситуацией [18, с. 164].

Снижение популярности промышленного дискурса, в частности его мотивационных качеств, обусловлено еще и тем, что в предвоенное время призывы к труду сопровождались мерами принуждения и устрашения. В период хрущевской оттепели и брежневского застоя они подменяются мерами скорее экономического воздействия. Аппеляция к чувству пролетарской солидарности перестает быть эффективной, снижается рабочий энтузиазм. Негативная трансформация промышленного дискурса заключается в том, что к концу 1960-х — началу 1970-х годов он не был подкреплен актуальными ценностями, которые могли бы стать основой для сохранения высокой трудовой мотивации раннего периода.

Таким образом, кризис промышленного дискурса был вызван кризисом советской трудовой морали. Требовался поиск новых дискурсивных практик, подразумевавших формирование эффективных механизмов трудовой мотивации для производствен-

¹ Постановление Совета министров РСФСР «Об устранении недостатков в деле использования... образцов машин, оборудования и приборов, закупаемых за границей». 1957 г. // ГАРФ. Ф. 408. Оп. 5. Д. 2. Л. 4.

ного стимулирования. Кроме того, истоки кризиса промышленного дискурса можно найти и в экономических особенностях развития СССР, а именно: обозначившемся кризисе планирования, обусловленном ростом масштабов народного хозяйства, которое становится чрезвычайно громоздким и неповоротливым. Так, например, в начале 1980-х годов Госплан составлял более 2000 балансов, имевших около 50 тыс. позиций. В стране производилось более 12 млн наименований продуктов труда.

В этих условиях балансы приобретают все более обобщенный характер, происходит понижение качества согласования производства и распределения видов продуктов. К этому добавляется противоречие между продуктовой и отраслевой классификацией, которое не решает и межотраслевой баланс. Отражая устаревшие технические коэффициенты, межотраслевой баланс, составляемый Госпланом, оказывается хронически консервативным [20, с. 101].

Все попытки реформирования управления промышленностью в СССР не предполагали отказа от командно-административной системы, включения рыночных механизмов хозяйствования, а были направлены лишь на очередную модернизацию. В результате на долгие годы советская промышленность благодаря плановым началам и жесткому централизму в области управления народным хозяйством была отстранена от действия объективных законов экономического развития [1, с. 57].

В результате к началу 1980-х годов состояние экономики СССР продолжало ухудшаться. Так, ежегодный прирост национального дохода страны снизился с 9% в 1965 г. до 2,6% в 1982 г., а промышленного производства — соответственно с 7,3 до 2,8% [26, с. 225]. В целях преодоления отсталости промышленного развития в июне 1987 г. был принят Закон СССР «О государственном предприятии», согласно которому руководителям и коллективам государственных предприятий предоставлялись полномочия самостоятельного выхода на внешний рынок и осуществления совместной деятельности с иностранными партнерами [26, с. 357].

Этим законом незамедлительно воспользовались многие предприятия. Но, несмотря на все попытки проведения реформ в стране, промышленность находилась в кризисе. В начале 90-х годов XX в. СССР охватили промышленный спад и деиндустриализация [1, с. 57]. В экономике сложилось катастрофическое положение, связанное с внедрением и использованием устаревших технологий, сокращением масштабов технологического перевооружения производства, общим снижением производительности труда. Комплекс экономических проблем середины — конца 1980-х годов, включая сильное падение цен на нефть и сокращение ее добычи, увеличение дефицита государственного бюджета, привели к еще большему замедлению темпов роста промышленного производства, снижению конкурентоспособности отечественной продукции [19, с. 32].

Промышленный кризис этого периода характеризовался ухудшением состояния промышленности, снижением темпов роста промышленного производства, сопровождался глубокоим производственным кризисом. В эти годы складывается еще одна тенденция развития промышленного дискурса: сырьевая зависимость от энергоресурсов. Стремясь компенсировать растущие экономические потери, советское руководство делало все большую ставку на расширение нефтедобычи, на повышение доходов от экспорта нефти. В это время страна являлась абсолютным мировым лидером нефтедобычи, добывая нефти вдвое больше, чем Саудовская Аравия. Впрочем, в условиях заметного падения цен на нефть на мировом рынке это принципиально не меняло ситуации и не могло стать панацеей от углублявшегося экономического кризиса [27].

Промышленный дискурс периода перестройки содержал в себе следующие проблемы: нарастающий разрыв между темпами роста производственного и научно-технического потенциала и темпами роста результатов производства — рост ос-

новых фондов обгонял рост продукции, рост фондовооруженности значительно опережал рост производительности¹. В 1985 г. М. С. Горбачев на встрече с работниками завода им. Лихачева впервые публично заявил об экономическом отставании страны и необходимости «добиться роста производительности труда посредством внедрения прогрессивного оборудования, автоматике, менее энергоемких и безотходных технологий. Таким путем можно и нужно обеспечить не менее четырех процентов роста ежегодного национального дохода»².

На Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачевым была предложена концепция интенсификации экономики и ускорения научно-технического прогресса³, «переворужения» всех отраслей народного хозяйства «на основе современных достижений науки и техники, придания приоритетного характера развитию машиностроения, предусматривалось в двенадцатой пятилетке в полтора-два раза ускорить темпы роста отрасли»⁴. М. С. Горбачев предложил существенно расширить перечень приоритетных направлений и увеличить капиталовложения для гражданских отраслей промышленности. В своих воспоминаниях Н. И. Рыжков так характеризовал планы М. С. Горбачева: «Для меня такой перечень был подобен землетрясению... почва под ногами колебалась... Мы, знающие реальное положение в экономике, прекрасно понимали, что сразу решить все проблемы всех отраслей невозможно. Нет для этого ни материальной и финансовой базы, ни научной и экспериментальной, сил у государства просто нет».

Исследователи подчеркивали невозможность одновременно и в короткие сроки решить все очевидные задачи; антиалкогольную кампанию; дилетантский подход М. С. Горбачева к руководству экономикой и государством в целом [28, с. 360–361]. К концу 1980-х годов советское руководство в целях преодоления товарного дефицита и сбалансирования потребительского рынка берет курс на легализацию предпринимательской деятельности. Принимается Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», а в дальнейшем — Закон СССР «О кооперации в СССР», разрешивший кооперативам заниматься любыми не запрещенными законом видами деятельности. По мнению экспертов, это привело к фактической легализации «теневой» экономики в стране [4, с. 27]. Кооперативы стали заниматься не производством, а перепродажей товаров. Это способствовало увеличению дефицита и вымыванию из государственной торговли дешевых товаров.

Значительный перекос в заработной плате в пользу кооперативного и «теневое» сектора экономики привел к оттоку квалифицированных кадров из государственных предприятий. Они фактически лишались самых мобильных и конкурентных специалистов [4, с. 28]. Создание кооперативов на предприятиях способствовало тому, что продукция реализовывалась через кооперативы по рыночным ценам, кооператив получал прибыль, а само предприятие при этом оставалось без оборотных средств, а государство без налогов. Многие кооперативы предпочитали выполнять заказы предприятий в ущерб насыщению потребительского рынка. Таким образом, можно констатировать, что надежды по преодолению возрастающей диспропорции между денежными доходами и товарным покрытием, связанные с возрождением кооперативного движения, не оправдались [13, с. 36].

В этот период обостряются экономические преступления и коррупция. Так, в середине 1980-х годов следственными бригадами прокуратуры СССР при расследовании ряда хищений государственной собственности в особо крупных размерах на предприятиях были выявлены организованные группы расхитителей [7, с. 107].

¹ Архив Горбачев-Фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15042. Л. 2–3.

² Встреча М. С. Горбачева с работниками ЗИЛа // Правда. 1985. 16 апреля.

³ Материалы Пленума ЦК КПСС 23 апреля 1985 года М., 1985. С. 8.

⁴ Материалы Пленума ЦК КПСС 23 апреля 1985 года М., 1985. С. 10.

Несмотря на развернувшуюся в стране массовую кампанию по борьбе с взяточничеством, хищениями государственной собственности, различными хозяйственными преступлениями, резко ухудшилось положение в экономике и социальной сфере, получили распространение разного рода махинации, хищения, взяточничество, грубо нарушалась социалистическая законность¹.

Отдельные предприимчивые граждане создавали кооперативы, делающие деньги, а не реальные товары. Лжекооперативы не производили товары, но их руководители получали огромные доходы путем «перекачки» товаров из государственной торговли к потребителю [4, с. 30]. Попытка вывести из тени нелегальную экономику и производство в условиях неэффективных реформ в экономике была обречена. Принятие закона о кооперативах создавало условия для развития малого и среднего бизнеса. Однако это движение было слабоконтролируемым, с одной стороны, оно дало свободу людям в ведении предпринимательской деятельности, с другой стороны — разрасталась теневая экономика.

Возросло количество спекулятивных сделок, производство товаров сомнительного качества, финансовых махинаций и хозяйственных преступлений. Высокие зарплаты кооператоров вкупе с завышенными расценками на их продукцию и услуги вызывали естественное недовольство и раздражение у населения [13, с. 36]. Промышленный дискурс в этих условиях полностью был дискредитирован. Он не мог удовлетворить ажиотажный спрос населения на потребительские товары длительного пользования.

Таким образом, особенность промышленного дискурса к концу перестройки и началу 1990-х годов: разновекторность, импульсивность, непоследовательность в разработке и реализации стратегии, бесперспективность. Возможности промышленного дискурса были серьезно переоценены, отсутствовало стратегическое планирование на длительный период. Требовался плавный переход к частно-государственному хозяйствованию, к демополизации крупных промышленных производств для более гибкого реагирования на изменения конъюнктуры рынка, которое было невозможно осуществить в рамках пятилетнего плана. Все попытки реформирования промышленности СССР не увенчались успехом, поскольку проводились в рамках командно-административной системы, рыночный механизм хозяйствования был исключен.

Промышленному дискурсу требовалась мощная модернизация. Однако связь науки и производства в СССР была неудовлетворительной. Бюрократическая система была настолько закостенелой, что препятствовала самореализации и проявлению любого творческого начала на производстве. Экстенсивное развитие промышленности приводило к нерациональному использованию производственных, трудовых и природных ресурсов. Все это становилось причиной снижения производительности труда, качества продукции, накапливались экологические проблемы, которые максимально замалчивались.

Тормозом развития промышленного дискурса стал громоздкий аппарат министерств, отсутствие хозяйственного расчета, самофинансирования и широкого кредитования, а также приоритизация тяжелой и оборонной промышленности. Несостоятельность промышленного дискурса во многом была связана со сложившейся за десятилетия уникальной по масштабам системы коррупции, которая пронизала все советское общество и государство. Значительная часть народного хозяйства находилась в серой зоне. При всеобщем декларировании коммунистических ценностей в советском обществе наблюдалась колоссальная диспропорция в обладании общественными благами и получении доходов, что, в свою очередь, разрушало ценности и значимость рабочих специальностей.

¹ XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза: стенографический отчет: в 3 т. М., 1986. Т. 1. С. 104.

С точки зрения ценностного содержания наблюдался кризис трудовой морали, ни партийная элита, ни широкие слои населения не верили и не разделяли ценности индустриализации. Мотивирующая и мобилизационная сторона промышленного дискурса к началу 1990-х годов было доведена до минимума. Потеря широкой поддержки среди населения была обусловлена и разочарованием советских потребителей в качестве и ассортименте товаров народного потребления. Экономика дефицита и «ситцевых халатов» подорвала веру населения в эффективность и производительность национальной промышленности. Анализировать тенденции и эффективность развития тяжелой и оборонной промышленности широкие слои населения просто не могли.

Состояние промышленного дискурса было крайне удручающим, декларируемый государством промышленный дискурс не соответствовал действительности и состоянию общества, которое крайне негативно относилось на тот момент к элементам и атрибутам государственной власти. Так как промышленные предприятия были встроены в государственную административно-командную систему, эти негативные коннотации ретранслировались и на промышленный дискурс, косвенно ассоциируемый с государством. Несмотря на то что на закате СССР продолжал оставаться мощной промышленной державой, ОПК которого занимал значительное место в международной торговле, промышленный дискурс испытывал на себе серьезные признаки кризиса советской государственности.

Литература

1. *Абрамова Т. А.* Промышленность Советского Союза: плановое развитие и цикличность // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 4. С. 54–58.
2. *Апарин А. Н.* Научно-технический прогресс на предприятиях тяжелой промышленности и оборонно-промышленного комплекса Горьковской области в 60–80-е годы XX века // Вестник ЧелГУ. 2010. № 18. С. 117–120.
3. *Безбородов А. Б.* Власть и научно-техническая политика в СССР. Середина 50-х — середина 70-х годов. М., 1997.
4. *Богданов С. В., Орлов В. Н.* За фасадом перестройки в СССР: власть, хозяйственная преступность, общество // Известия АлтГУ. 2009. № 4–4. С. 27–31.
5. *Быстрова И. В.* Военно-промышленный комплекс СССР: исторический опыт развития // Вестник НГТУ им. Р. Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». 2015. № 3. С. 7–11.
6. *Вергаскина Л. В.* Борьба за качество и улучшение ассортимента продукции предприятий легкой промышленности Южного Урала в годы шестой пятилетки (1956–1960 гг.) // Вестник ОГУ. 2013. № 5 (154). С. 24–29.
7. *Волобуев А.* Криминология теряет проблему организованной преступности. Выгода обоюдна // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. М., 1997. С. 107–116.
8. *Деманов А. А.* Военно-промышленный комплекс СССР в 1946–1955 годах: вопросы историографии // Вестник ЧГУ. 2008. № 3. С. 13–23.
9. *Джоравски Д.* Сталинский менталитет и научное знание // Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, 2001. С. 453.
10. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. 1988. Т. 2. 325 с.
11. *Залещанский Б.* Реструктуризация предприятий ВПК: от консерватизма к адекватности // Человек и труд. 1998. № 2. С. 28–32.
12. *Ильин Ю. В.* Наркоматы оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны // Вестник МГИМО. 2015. № 2 (41). С. 26–36.
13. *Кирсанов Р. Г.* Развитие кооперативного сектора в период перестройки и его роль в стабилизации потребительского рынка в СССР // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4. С. 30–36.
14. *Кожемякин Е. А.* Дискурс-анализ как междисциплинарная методология: исторический аспект // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 5–12.
15. *Колганов А. И.* Три модернизации в России и наше время. [Электронный ресурс]. URL: http://www.zlev.ru/69_64.htm (дата обращения: 21.11.2017).

16. Кочеткова Е. А. Технологическая модернизация в СССР в 1950–1960-е годы (на примере Светогорского целлюлозно-бумажного комбината) // Вестник Пермского ун-та. Сер. История. 2014. № 1 (24). С. 194–205.
17. Кочеткова Е. А. Модернизация советской целлюлозно-бумажной промышленности и трансфер технологий в 1953–1964 годах: случай Энсо-Светогорска // *Laboratorium*. 2013. № 3. С. 13–42.
18. Кулагин О. И. Проблемы трудовой мотивации работников лесной промышленности Карелии в конце 1960–1970-х гг. // Среднерусский вестник общественных наук. 2012. № 1. С. 163–172.
19. Мантуров Д. В. Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет. Ч. 1: промышленность 1990-х гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 31–48.
20. Нуреев Р. М. Истоки огосударствления экономики и его последствия // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 93–104.
21. Пилюгина Е. В. Дискурс в политике и политика как дискурс: Актуальные резонансы социального бытия постмодерна // Вестник ЧелГУ. 2013. № 23 (314). С. 42–48.
22. Рибер А. Дж. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская Русистика: веки историографии последних лет. Советский период. Антология. Самара, Изд-во «Самарский университет», 2001.
23. Родина В. В. Вербализация концепта «промышленность» в массмедиа-дискурсе // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2016. № 2 (36). С. 163–168.
24. Родина В. В. Применение семантического дифференциала для оценки концепта «российская промышленность» у целевых аудиторий // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2016. № 5 (101). С. 95–101.
25. Севостьянова И. В. Проблема качества продукции на предприятиях легкой промышленности Среднего Поволжья в 1971–1985 гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 14, № 37. Л. 177.
26. Тимошина Т. М. Экономическая история России: учеб. пособие. М. : Филинь, Юстициформ, 1998.
27. Турицын И. В., Рыжков Т. В. Нефтяная отрасль России 1980-х — начала 1990-х годов: предпосылки и условия реформирования // Вестник ЧГУ. 2012. № 2. С. 96–102.
28. Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. Новосибирск. 2010. Т. 1.
29. Чадаев Я. Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М. : Мысль, 1985.
30. Шахурин А. И. Крылья победы. М. : Политиздат, 1983.
31. Hanson P. The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR from 1945. London, 2003.
32. Josephson P. War on Nature as Part of the Cold War. The Strategic and Ideological Roots of Environmental Degradation in the Soviet Union // *Environmental histories of the Cold War*. Cambridge University Press, 2010.
33. Plotnikov V., Rodina V. Approach to Information Support and Ensure the Implementation of PR-activities of the State Industrial Policy // Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference–Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth 28, Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth. 2016. P. 1124–1132.

References

1. Abramova T. A. *Industry of the Soviet Union: planned development and recurrence* [Promyshlennost: sovetskogo Soyuza: planovoe razvitiie i tsiklichnost'] // Society. Environment. Development. Terra Humana [Obshchestvo. Sreda. Razvitiie]. 2012. N 4. P. 54–58. (rus)
2. Aparin A. N. *Scientific and technical progress at the enterprises of the heavy industry and defense industry complex of Gorky Region in the 60–80th years of the 20th century* [Nauchno-tekhnicheskii progress na predpriyatiyakh tyazheloi promyshlennosti i oboronno-promyshlennogo kompleksa Gor'kovskoi oblasti v 60–80-e gody XX veka] // Messenger ChelSU [Vestnik ChelGU]. 2010. N 18. P. 117–120. (rus)

3. Bezborodov A. B. *The power and scientific and technical policy in the USSR. The middle of the 50th – the middle of the 70th years* [Vlast: i nauchno-tekhnicheskaya politika v SSSR. Seredina 50-kh — seredina 70-kh godov]. M., 1997. 214 p. (rus)
4. Bogdanov S. V., Orlov V. N. *Behind a reorganization facade in the USSR: power, economic crime, society* [Za fasadom perestroiki v SSSR: vlast', khozyaistvennaya prestupnost', obshchestvo] // Notes of AltSU [Izvestiya AltGU]. 2009. N 4–4. P. 27–31. (rus)
5. Bystrova I. V. *Military industrial complex of the USSR: historical experience of development* [Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR: istoricheskii opyt razvitiya] // NSTU of R. E. Alekseev Bulletin. Series «Management in social systems. Communicative technologies» [Vestnik NGTU im. R. E. Alekseeva. Seriya «Upravlenie v sotsial'nykh sistemakh. Kommunikativnye tekhnologii»]. 2015. N 3. P. 7–11. (rus)
6. Vergaskina L. V. *Fight for quality and improvement of the product range of the enterprises of light industry of South Ural in days of the sixth five-years period (1956–1960)* [Bo'rbа za kachestvo i uluchshenie assortimenta produktsii predpriyatii legkoi promyshlennosti Yuzhnogo Urala v gody shestoi pyatiletki (1956–1960 gg.)] // The Bulletin of regional public institution [Vestnik OGU]. 2013. N 5 (154). P. 24–29. (rus)
7. Volobuyev A. *The criminology loses a problem of organized crime. The benefit is mutual* [Kriminologiya teryaet problemu organizovannoi prestupnosti. Vygodа oboyudna] // Studying of organized crime: Russian-American dialogue [Izuchenie organizovannoi prestupnosti: rossiisko-amerikanskii dialog]. M., 1997. P. 107–116. (rus)
8. Demanov A. A. *Military industrial complex of the USSR in 1946–1955: historiography questions* [Voенно-promyshlennyy kompleks SSSR v 1946–1955 godakh: voprosy istoriografii] // ChSU Bulletin [Vestnik ChGU]. 2008. N 3. P. 13–23. (rus)
9. Dzhoravski D. *Stalin mentality and scientific knowledge* [Stalinskii mentalitet i nauchnoe znanie] // American Russian philology: Milestones of a historiography of the last years. Soviet period: Anthology [Amerikanskaya rusistika. Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period. Antologiya]. Samara, 2001. P. 453. (rus)
10. Zhukov G. K. *Memoirs and reflections* [Vospominaniya i razmyshleniya]: In 3 v. 1988. V. 2. 325 p. (rus)
11. Zaleshchansky B. *Restructuring of the enterprises of military industrial complex: from conservatism to adequacy* [Restrukturizatsiya predpriyatii VPK: ot konservatizma k adekvatnosti] // Person and work [Chelovek i trud]. 1998. N 2. P. 28–32. (rus)
12. Ilyin Yu. V. *People's commissariat of the defensive industry in the years of the Great Patriotic War* [Narkomaty oboronnoi promyshlennosti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny] // Bulletin of MGIMO [Vestnik MGIMO]. 2015. N 2 (41). P. 26–36. (rus)
13. Kirsanov R. G. *Development of the cooperative sector during reorganization and his role in stabilization of the consumer market in the USSR* [Razvitie kooperativnogo sektora v period perestroiki i ego rol' v stabilizatsii potrebitel'skogo rynka v SSSR] // Messenger VolSU. Series 4: History. Regional studies. International relations [Vestnik VolGU. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2014. N 4. P. 30–36. (rus)
14. Kozhemyakin E. A. *Discourse analysis as cross-disciplinary methodology: historical aspect* [Diskurs-analiz kak mezhdistsiplinarnaya metodologiya: istoricheskii aspekt] // Scientific sheets of BelSU. Series: Humanities [Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2008. N 2. P. 5–12. (rus)
15. Kolganov A. I. *Three modernizations in Russia and ours e time* [Tri modernizatsii v Rossii i nashe vremya]. [Electronic resource]. URL: http://www.zlev.ru/69_64.htm (date of the address: 11/21/2017). (rus)
16. Kochetkova E. A. *Technological modernization in the USSR in the 1950th – the 1960th years (on the example of the Svetogorsk pulp and paper mill)* [Tekhnologicheskaya modernizatsiya v SSSR v 1950–1960-e gody (na primere Svetogorskogo tsellyulozno-bumazhnogo kombinata)] // Messenger of Perm University. Series History [Vestnik Permskogo un-tа. Ser. Istoriya]. 2014. N 1 (24). P. 194–205. (rus)
17. Kochetkova E. A. *Modernization of the Soviet pulp and paper industry and a transfer of technologies in 1953–1964: case of Enso-Svetogorsk* [Modernizatsiya sovetskoi tsellyulozno-bumazhnoi promyshlennosti i transfer tekhnologii v 1953–1964 godakh: sluchai Enso-Svetogorska] // Laboratorium. 2013. N 3. P. 13–42. (rus)
18. Kulagin O. I. *Problems of labor motivation of workers of the forest industry of Karelia at the end of the 1960th – the 1970th* [Problemy trudovoi motivatsii rabotnikov lesnoi promyshlennosti Karelii v kontse 1960–1970-kh gg.] // Central Russian Journal of Social Sciences [Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk]. 2012. N 1. P. 163–172. (rus)

19. Manturov D. V. *State regulation of the industry within 25 years. Part 1: industry of the 1990th* [Gosudarstvennoe regulirovanie promyshlennosti v techenie 25 let. Ch. 1: promyshlennost' 1990-kh gg.] // Public Administration Issues [Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya]. 2016. N 3. P. 31–48. (rus)
20. Nureev R. M. *Sources of nationalization of economy and his consequence* [Istoki ogosudarstvenniya ekonomiki i ego posledstviya] // World of new economy [Mir novoi ekonomiki]. 2017. N 2. P. 93–104. (rus)
21. Pilyugina E. V. *A discourse in policy and policy as a discourse: Relevant resonances of social life of a postmodern* [Diskurs v politike i politika kak diskurs: Aktual'nye rezonansy sotsial'nogo bytiya postmoderna] // Messenger of ChelSU [Vestnik ChelGU]. 2013. N 23 (314). P. 42–48. (rus)
22. Rieber A. J. *Persistent Factors in Russian Foreign Policy: An Interpretive Essay* [Ustoichivye faktory rossiiskoi vneshnei politiki: popytko interpretatsii] // American Russian philology: milestones of a historiography of the last years. Soviet period. Anthology [Amerikanskaya Rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period. Antologiya. Samara]. Samara : Samara University Publishing house, 2001. 376 p. (rus)
23. Rodina V. V. *Verbalization of a concept «industry» in a mass media discourse* [Verbalizatsiya kontsepta «promyshlennost'» v massmedia-diskurse] // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical university of V. P. Astafyev [Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva]. 2016. N 2 (36). P. 163–168. (rus)
24. Rodina V. V. *Application of semantic differential for concept assessment «Russian industry» at target audiences* [Primenenie semanticheskogo differentsiala dlya otsenki kontsepta «rossiiskaya promyshlennost'» u tselevykh auditorii] // News of the St. Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]. 2016. N 5 (101). P. 95–101. (rus)
25. Sevostyanova I. V. *A problem of quality of production at the enterprises of light industry of Central Volga area in 1971–1985* [Problema kachestva produktsii na predpriyatiyakh legkoi promyshlennosti Srednego Povolzh'ya v 1971–1985 gg.] // News of the Russian State Pedagogical University of A. I. Herzen [Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena]. 2007. V. 14, N 37. P. 177. (rus)
26. Timoshina T. M. *Economic history of Russia* [Ekonomicheskaya istoriya Rossii]: Tutorial. M. : Filin', Yustitsinform, 1998. 432 p. (rus)
27. Turitsyn I. V., Ryzhkov T. V. *Oil branch of Russia the 1980th — the beginning of the 1990th years: prerequisites and conditions of reforming* [Neftyanaya otrasl' Rossii 1980-kh — nachala 1990-kh godov: predposylki i usloviya reformirovaniya] // ChSU Bulletin [Vestnik ChGU]. 2012. N 2. P. 96–102. (rus)
28. Khanin G. I. *Economic history of Russia in the latest time* [Ekonomicheskaya istoriya Rossii v noveishee vremya]: monograph: In 2 v. Novosibirsk. 2010. V. 1. 408 p. (rus)
29. Chadaev Ya. E. *Economy of the USSR in days of the Great Patriotic War (1941–1945)* [Ekonomika SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.)]. M. : Thought [Mysl'], 1985. 494 p. (rus)
30. Shakhurin A. I. *Victory wings* [Kryl'ya pobedy]. M. : Politizdat, 1983. 254 p. (rus)
31. Hanson P. *The Rise and Fall of the Soviet Economy: An Economic History of the USSR from 1945*. London, 2003.
32. Josephson P. *War on Nature as Part of the Cold War. The Strategic and Ideological Roots of Environmental Degradation in the Soviet Union* // Environmental histories of the Cold War. Cambridge University Press, 2010.
33. Plotnikov V., Rodina V. *Approach to Information Support and Ensure the Implementation of PR-activities of the State Industrial Policy* // Proceedings of the 28th International Business Information Management Association Conference–Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth 28, Vision 2020: Innovation Management, Development Sustainability, and Competitive Economic Growth. 2016. P. 1124–1132.